

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

2026 – 1

Издается с 1972 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 9.2

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии
«Востоковедение и африканистика»:

Аватков В.А. – д-р полит. наук, ИНИОН РАН, *Аликберов А.К.* – д-р ист. наук, Институт Востоковедения РАН, *Бондаренко Д.М.* – д-р ист. наук, чл.-кор. РАН, Институт Востоковедения РАН, *Братерский М.В.* – д-р полит. наук, НИУ ВШЭ, *Гордон А.В.* – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, зам. главного редактора, *Кораяев Т.К.* – канд. ист. наук, МГУ, *Кузнецов И.И.* – д-р полит. наук, МГУ, *Н.Ю. Лапина* – д-р полит. наук, ИНИОН РАН, *Леонова О.Г.* – д-р полит. наук, МГУ, *Мирзеханов В.С.* – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, главный редактор, *Михель Д.В.* – д-р филос. наук, ИНИОН РАН, зам. главного редактора, *Максимов А.А.* – ИНИОН РАН, ответственный секретарь

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика» = Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9: Oriental and African Studies» до 2021 г. выходил под названием: Реферативный журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика». Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и в перечень ВАК по Специальностям: 050602 Всеобщая история (исторические науки), 050607 История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 050504 Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки). Включен в ЕГПНИ, уровень 2.

DOI: 10.31249/rva/2026.01.00

ISSN 2219-8822

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-80876 от 21.04.2021

© ИНИОН РАН, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГОСУДАРСТВА. КУЛЬТУРЫ

Максимов А.А. Цифровой суверенитет и страны Востока	5
Михель Д.В. «Сбросить оковы колонизации сознания и содействовать контактам между цивилизациями и взаимному обучению»: информационная деятельность Института Синьхуа	24
Демидов К.Б. Время как оружие (нео)колониализма. Рец. на кн.: Lagji A. Postcolonial Fiction and Colonial Time: Waiting For Now. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023. 239 p.	48

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Алексян Л.М. Гуманитарное измерение политики Турции в отношении Нигерии	63
Пряжникова О.Н. Особенности энергетического перехода в Африке: фактор экологически чистого приготовления пищи ...	77
Рахматуллин Ш.Д. Развитие системы начального и среднего общего образования в Объединенной Республике Танзания (1961–1978)	89
Трунов Ф.О. Политико-дипломатические тактики сотрудничества ФРГ со странами Глобального Юга (к середине 2020-х годов)	105

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Михель И.В. Вандана Шива и «Навдания» на защите семенного суверенитета: борьба за продовольственную безопасность в современной Индии	128
Мозиас П.М. Китайский проект «Один пояс, один путь»: механизмы финансирования инфраструктурного строительства	149
Рамеев О.Б. Становление политической науки в послевоенной Японии (1945–1990)	175

CONTENTS

CIVILIZATIONS. STATES. CULTURES

Maximov A.A. Digital Sovereignty and Eastern Countries	5
Mikhel D.V. “Breaking the Shackles of Mind Colonization and Promoting Inter-Civilization Exchanges and Mutual Learning”: Xinhua Institute's Outreach Activities	24
Demidov K.B. Weaponising Time. Book Review: Lagji A. Postcolonial Fiction and Colonial Time: Waiting for Now. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023. 239 p.	48

AFRICA. NEAR AND MIDDLE EAST

Aleksanyan L.M. The Humanitarian Dimension of Turkey’s Policy Toward Nigeria.....	63
Pryazhnikova O.N. Features of the Energy Transition in Africa: The Factor of Clean Cooking	77
Rakhmatullin S.D. Development of the Primary and Secondary Education System in United Republic of Tanzania, 1961–1978	89
Trunov Ph.O. Political-diplomatic Tactics of Germany’s Cooperation with the Global South Countries (by the mid- 2020 s)	105

SOUTH, SOUTHEAST AND EAST ASIA

Mikhel I.V. Vandana Shiva and “Navdanya” on Seed Sovereignty Protection: The Struggle for Food Security in Contemporary India	128
Mozias P.M. The Chinese Belt and Road Initiative: Mechanisms of Infrastructure Financing	149
Rameev O.B. Formation of Political Science in Postwar Japan (1945–1990)	175

ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГОСУДАРСТВА. КУЛЬТУРЫ

МАКСИМОВ А.А.* ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ И СТРАНЫ ВОСТОКА

Аннотация. В статье обсуждается концепция цифрового суверенитета в некоторых странах Востока. Анализируются предпосылки формирования национальной политики цифровизации и сложности обеспечения независимости в цифровой среде. Современная цифровая трансформация – не только технологическое, но и политическое явление, связанное с вопросами национальной безопасности, контролем над информационными потоками и борьбой за влияние в Интернет-пространстве. Рассматриваются примеры успешных (Китай) и менее успешных (Япония, Южная Корея, Индия) случаев цифровой трансформации. Обсуждается роль искусственного интеллекта и национальных больших языковых моделей, требующих значительных инвестиций и высококвалифицированных специалистов. Делается вывод, что обеспечение цифрового суверенитета – затратная и сложная задача, доступная ограниченному кругу государств, однако в условиях геополитической нестабильности и быстроразвивающихся технологий она становится все более актуальной.

Ключевые слова: цифровой суверенитет; искусственный интеллект; цифровизация; Япония; Китай; Южная Корея; Индия; Иран.

MAXIMOV A.A. Digital Sovereignty and Eastern Countries

Abstract. The article discusses the concept of digital sovereignty in some Eastern countries. It analyzes the prerequisites for the forma-

* Максимов Алексей Александрович – младший научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

tion of national digitalization policies and the challenges of ensuring independence in the digital environment. Modern digital transformation is not only a technological phenomenon, but also a political one, linked to issues of national security, control over information flows, and the struggle for influence in cyberspace. Examples of successful (China) and less successful (Japan, South Korea, India) cases of digital transformation are considered. The role of artificial intelligence and national large language models, which require significant investment and highly qualified specialists, is discussed. It concludes that ensuring digital sovereignty is a costly and complex task, accessible to a limited number of states, but in the context of geopolitical instability and rapidly developing technologies, it is becoming increasingly relevant.

Key words: Digital Sovereignty; Artificial Intelligence; Digitalization; Japan; China; South Korea; India; Iran.

Для цитирования: Максимов А.А. Цифровой суверенитет и страны Востока // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2026. – № 1. – С. 5–23. – DOI: 10.31249/rva/2026.01.01

Современный мир трудно представить без цифровых технологий. Развитие онлайн-площадок для продажи товаров (маркетплейсы), доступность широкополосного Интернета, распространение мессенджеров и социальных сетей, увеличение влияния Интернет-СМИ и появление в онлайн-среде лидеров общественного мнения – все это прочно вошло в жизнь многих людей в самых разных странах мира. Однако у подобной цифровизации, как и у любого явления есть также отрицательные стороны. Если в середине XIX века модернизация часто оказывалась европеизацией (вестернизацией), то цифровизация (или даже лучше сказать Интернетизацией) стала неотделимым спутником глобализации. Но иллюзия того, что всемирная сеть не имеет географических границ, постепенно исчезает: все более заметно влияние США на определение «правил», контролирующих киберсреду. [39, с. 61] В условиях изменения мирового порядка и превращения цифровой среды в такое же поле возможных боевых действий как суша, море, воздух, космос многие страны задумались о концепции цифрового суверенитета.

Четкого определения этому понятию нет. Иностранный ресурс Techopedia, на который, например, ссылаются в глоссарии цифровой экономики НЦЭИ МГУ [26], пишет, что «цифровой су-

веренитет – ключевая идея Интернет-эпохи. Она утверждает, что акторы должны обладать правом распоряжаться собственными цифровыми данными» [19]. Указанное определение довольно общее и строится, по сути, на перенесении идеи суверенитета из привычного поля в новое. Эксперты Валдайского клуба в своей трактовке предпочли раскрыть термин подробнее, указав, что они понимают под суверенитетом. Цифровой (информационный) суверенитет, по их мнению, – это право государства самостоятельно формировать информационную политику, распоряжаться информационными потоками, обеспечивать информационную безопасность независимо от внешнего влияния. [43] Самое простое из существующих определений было представлено в рамках видеолекции школьного предмета «Разговоры о важном» от 29.09.2025: «Цифровой суверенитет – это способность государства быть независимым в цифровой среде, развивать собственные технологии и обеспечивать цифровую безопасность своих граждан» [44].

Принятые поспешно в попытках достижения цифрового суверенитета меры центральных правительств часто оказываются недальновидными и несбалансированными. Сентябрьские события в Непале, прозванные в СМИ как «революция зумеров», формально начались из-за попытки запрета популярных западных социальных сетей и сервисов (*YouTube*¹, *X*², *Reddit*, *Instagram*³, *Facebook*³ и т.д.), которые отказались регистрироваться в соответствии с обновленными правилами Министерства связи и информационных технологий [3]. К предъявляемым требованиям относится открытие на территории страны представительств западных компаний, что выглядит вполне логично в русле идеи цифрового суверенитета. Государство должно иметь оперативный доступ к информации, распространяющей фейки и призывающей к противоправным действиям, для осуществления исполнительной власти. Кроме того, ему необходимо, чтобы на территории страны желательно сами местные жители проводили модерацию контента (предварительное редактирование, пессимизация комментариев и т.п.), иначе этим весомым в цифровой среде инструментом воспользуются представители других государств (или объединений) в своих интересах. Безусловно, протесты в Непале произошли не столько из-за потен-

¹ Иностранец владеет ресурсом, нарушая закон РФ.

² Социальная сеть, заблокирована на территории РФ.

³ Принадлежит компании Meta, признанной судом экстремистской организацией и запрещенной на территории РФ.

циального запрета социальных сетей, сколько из-за сложной социально-экономической и политической обстановки внутри страны. Но, в действительности, именно это решение стало тем спусковым крючком, который спровоцировал бурную реакцию среди активной части населения – молодежи, уставшей от накопившихся проблем.

К вопросам цифрового суверенитета подошли немного с другой стороны власти современного Афганистана, отключившие вместе с мобильной связью почти весь Интернет-траффик на территории страны [20]. Хотя число активных Интернет-пользователей там не превышает 7 миллионов человек (меньше 1/6 части населения) [7], это решение уже привело к отмене многих авиарейсов и приостановки онлайн-образования, которое после запрета об обучении женщин считалось для них единственным способом продолжать обучение. Более того, отключение Интернета повлияло на небольшую, но экономически активную прослойку работающих удаленно. Страна в определенном смысле замерла. Вероятно, это решение временно. Правительство снова запустит Интернет и мобильную связь при возможности централизации информационных потоков и установлении фильтров для модерации публикуемой информации.

Совершенно иной подход по достижению цифрового суверенитета строится на замещении импортного, часто западного программного обеспечения национальным. Разработка собственных Интернет-сервисов, особенно на современном этапе, когда приходится конкурировать с существующими развитыми продуктами с мощной технической поддержкой, финансово дорога и трудозатратна. Рассмотрим это на примере больших языковых моделей. В 2019 г. вышла вторая версия языковой модели GPT (GPT-2) от компании *OpenAI*. Она была обучена на 40 гигабайтах данных (8 миллионов веб-страниц) с учетом 1,5 миллиардов параметров [4]. Вышедшая в 2020 г. версия GPT-3 учитывала в 10 раз больше параметров – 175 миллиардов [8]. Точной информации о самой недавней версии GPT-5 (вышла в августе 2025 года) нет. По скромным подсчетам она обучена уже более чем на триллионах параметров [40]. Конечно, качество больших языковых моделей, создающих текст на основе вероятностного распределения частотности слов, уже не столько зависит от размера выборки и параметров как раньше. Больше внимание уделяется созданию эффективной нейросетевой архитектуры, наиболее важные элементы

которой *OpenAI* считает эксклюзивными и не выкладывает в публичный доступ.

Для того чтобы сделать собственную нейросеть в тех охватах, которыми сейчас располагает GPT-5, необходимы огромные вычислительные мощности, гигантское количество данных и специальная компьютерная архитектура. Другими словами, нужна не просто дешевая энергия и инфраструктура (дата-центры), но и высококвалифицированные IT-специалисты. Все это требует вливания гигантских ресурсов и привлечения инвестиций. Кроме того, вряд ли получится создавать подобную нейросеть с нуля. Будет использоваться открытый код, уже предобученный на определенных данных, и при специфическом запросе может дать несоответствующий официальной позиции государства ответ. Дополнительно, компьютерные технологии развиваются слишком быстро. Китайская нейросеть *Deepseek*, произведшая фурор год назад, уже устарела и уступает другим своим аналогам как *Grok* или тот же самый GPT-5 [15]. Поэтому задача ставится не столько как «перегнать», а сколько «догнать» существующие модели.

На данном этапе можно констатировать следующее. Цифровой суверенитет стоит дорого, и не каждая страна может себе его позволить, но в некоторых случаях становится необходимым. В рамках статьи мы попробуем сделать небольшой обзор современного состояния цифрового суверенитета, возможных планах и вызовах для его достижения в наиболее технологически и экономически развитых странах Азии: Китай, Япония, Южная Корея, Индия; а также коснемся стран, где цифровой суверенитет, стал необходимостью: Северная Корея и Иран.

Китай

Главной темой прошедшего в конце августа-начале сентября саммита ШОС стал «цифровой суверенитет» [37]. Для Китая опора на собственные силы в деле защиты своих информационных и высокотехнологических интересов, во-многом, стала вынужденной мерой. Одной из причин стала так называемая «торговая война» между США и КНР в период первого президентства Дональда Трампа (2017–2021), когда чуть ли не официальной доктриной стало создание условий для технического отбрасывания Китая [41, с. 85]. Это реализовалось, например, в введенных в 2019 г. санкциях против одной из крупнейших технологических компаний – *Huawei*. Тогда китайскому правительству окончательно стало ясно,

что в такой чувствительной и важной сфере как ИТ¹ необходимо делать ставку на национальные силы, при этом для Китая оставался важным и трек международного сотрудничества. В первую очередь для постоянного обмена передовым опытом и повышения квалификации своих специалистов.

Однако сказать, что информационной безопасностью власти КНР занялись лишь в последние несколько лет будет весьма опрометчиво. На заре глобального распространения Интернета, в 1998 г., правительство Китайской народной республики начало работу по проекту по созданию системы фильтрации содержимого информационного контента во всемирной сети. Через 5 лет, в 2003 г., идея вышла свет и была запущена по всей стране. Проект получил название на китайском «金盾工程», что дословно можно перевести как «Проект «Золотой щит»» [38]². Он реализован в рамках крупной государственной программы по созданию и развитию цифрового правительства и защиты безопасности в Интернете, называемой «两网一站四库十二金» («Две сети, один сайт, четыре базы данных, 12 «золотых» [проектов]») [45]².

«Один веб-сайт» относится к веб-сайту правительственного портала. «Две сети» относятся к правительственной внутренней сети (интранет³) и правительственной экстрасети (по сути, Интернет). «Четыре базы данных» относится к формированию четырех основных баз данных: по населению, юридическим лицам, пространственной географии и природным ресурсам, а также макроэкономике. «Двенадцать «золотых» проектов» относятся к двенадцати ключевым системным проектам управления бизнес-ресурсами. Их можно подразделить на три категории:

- *Первая категория* – это системы микро- и макроэкономического управления, которые играют ключевую роль в надзоре, повышении эффективности и продвижении государственных услуг;

¹ Принятое сокращение от Information Technology – информационные технологии

² Информационная справка изначально была размещена на официальном портале Китайского информационного Интернет-центра, однако на данный момент не доступна. Автор статьи предлагает воспользоваться архивированной версией от 2017 года

³ Интранет (Intranet) как «внутреннее» традиционно противопоставляется «внешнему» Интернету (Internet)